

<https://doi.org/10.5281/zenodo.5543796>

УДК 39.397

Жанисов А.Т., Артыкбаев Ж.О., Есен С.Г.

Жанисов Асет Темірханович, кандидат исторических наук, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Республика Казахстан, 010008, г. Нур-Султан, ул. Сатпаева, д. 2. E-mail: janissov@mail.ru.

Артыкбаев Жамбыл Омарович, доктор исторических наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Республика Казахстан, 010008, г. Нур-Султан, ул. Сатпаева, д. 2. E-mail: socantropology@mail.ru.

Есен Сырым Гадылбекулы, магистр гуманитарных наук, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Республика Казахстан, 010008, г. Нур-Султан, ул. Сатпаева, д. 2. E-mail: syrym.e@mail.ru.

Роль и значение коневодства в формировании традиционной культуры казахов Сарыарки

Аннотация. В традиционной культуре жизнеобеспечения кочевых в прошлом народов Евразии коневодство занимает особое место. Именно развитие коневодства позволило ранним насельникам евразийских степей в условиях усиливающейся аридизации климата перейти к более высокой форме производительного труда – кочевому скотоводству. Казахи вплоть до начала XX века сохраняли в своей культуре многие традиции своих предшественников. В настоящей статье на материалах региона Сарыарка показано влияние коневодства на формирование хозяйства, образа жизни, материальной и духовной культуры казахов. Рассмотренные в данной работе аспекты хозяйственно-культурной жизни казахов нового времени не являются исчерпывающими, но в целом позволяют выявить роль и значение коня и коневодческой отрасли кочевого скотоводства в жизни кочевников казахов.

Ключевые слова: казахи, коневодство, культ коня, Сарыарка, кочевое скотоводство, традиционная культура, хозяйство.

A.T. Zhanissov, Zh.O. Artykbayev, S.G. Yessen

Zhanissov Asset Temirkhanovich, Candidate of Historical Sciences, L.N.Gumilyov Eurasian National University, Republic of Kazakhstan, 010008, Nur-Sultan, Satpayev st. 2. E-mail: janissov@mail.ru

Artykbayev Zhambyl Omarovich, Doctor of Historical Sciences, L.N.Gumilyov Eurasian National University, Republic of Kazakhstan, 010008, Nur-Sultan, Satpayev st. 2. E-mail: socantropology@mail.ru

Yessen Syrym Gadylbekuly, Master of Arts, L.N.Gumilyov Eurasian National University, Republic of Kazakhstan, 010008, Nur-Sultan, Satpayev st. 2. E-mail: syrym.e@mail.ru

The role and importance of horse breeding in the formation of the traditional culture of the Kazakhs of Saryarka

Abstract. Horse breeding occupies a special place in the traditional culture of life support in the past of the nomadic peoples of Eurasia. It was the development of horse breeding that allowed the early inhabitants of the Eurasian steppes to move, under conditions of increasing climate aridization, to a higher form of productive labor - nomadic cattle breeding. Up to the beginning of the twentieth century, Kazakhs preserved many of the traditions of their predecessors in their culture. Horse breeding occupies an important place in the life

of the Kazakhs of the pre-industrial period. In this article, on the materials of the Saryarka region, the influence of horse breeding on the formation of the economy, lifestyle, material and spiritual culture of the Kazakhs is shown. The aspects of the economic and cultural life of the Kazakhs of the new era considered in this work are not exhaustive, but in general they allow us to highlight the role and importance of the horse and the horse breeding industry of nomadic cattle breeding in the life of Kazakh nomads.

Key words: Kazakhs, horse breeding, horse cult, Saryarka, nomadic cattle breeding, traditional culture, economy.

В контексте многообразных проблем кочевничества особое место занимает коневодство. Освоение коневодства является одним из основных предпосылок зарождения и последующей жизнестойкости кочевничества в степных просторах Евразии. Со времени сложения в этой экологической нише кочевой цивилизации и вплоть до ее разложения, коневодство, играя системообразующую роль, являлось детерминантой хозяйственной деятельности кочевников.

Уже первые письменные источники, четко фиксирующие кочевой образ жизни насельников евразийских степей (сако-скифская эпоха) в его экономическом, социокультурном, технологическом параметрах, свидетельствуют о ключевой роли коневодства в их хозяйственно-культурной системе: «Лошадь являлась основным хозяйственным животным скифских племен. Последнее подтверждается массовыми захоронениями именно коней в богатых погребениях причерноморских скифов, и других областях расселения скифских племен ...», - утверждает известный исследователь С.И. Руденко [1, С. 24].

Коневодство продолжало играть определяющую роль в хозяйстве племен евразийских степей и в последующие периоды. При этом приводимые в источниках сведения о многотысячных табунах кочевников позволяет предположить, что этнические сообщества евразийских степей древности и средневековья сумели найти наиболее приемлемую форму организации труда в коневодческих хозяйствах. Например, средневековый путешественник ибн Баттута (XIV в.) в своем описании населения Дешт-и Кыпчака, приводит следующие интересные сведения: «Одно из основных занятий населения

– коневодство. У них лошади имеют такое же значение, как бараны в нашей стране. Есть тюрки, имеющие по несколько тысяч лошадей. Имеется обычай, по которому тюрки-коневод этих стран с краю телеги своей жены прикрепляет палочку, на верхнем конце которой прибита кошомка, примерно, с четверть длины; каждая такая палочка с кошомкою означает одну тысячу лошадей в головах. Я сам видел такие телеги, на которых прикреплены даже до десяти штук таких палочек» [2, С. 88].

К XVII веку, в связи с упадком сухопутных торгово-караванных путей мирового масштаба, наступает политический кризис кочевых обществ. К этому времени на арене международных отношений остаются, по сути, только два государства с по-настоящему кочевым укладом жизни – Казахское ханство и Джунгария. Смена соотношений сил в XVII веке не в пользу кочевых народов, все усиливающееся давление соседних оседло-земледельческих государств привели к тому, что в борьбе за выживание столкнулись два кочевых государства. В результате военных вторжений джунгаров казахи почти на сто лет лишились значительных территорий на востоке ханства. Казахи только со второй четверти XVIII века стали возвращать себе утраченные территории и восстанавливать хозяйство [3, С.66.; 4, С.137-149]. После прекращения казахско-джунгарского противостояния коневодческая отрасль казахов не только восстановилась, но, судя по источникам, достигла наибольшего подъема, который продолжался вплоть до середины XIX века.

Источники и свидетельства исследователей позволяют говорить, что наибольшее развитие коневодство в XVIII – XIX вв. получило у казахов Сарыарки. Под

народным географическим термином Сарыарка понимается обширное пространство, которое населяли казахи Среднего жуза – территория Казахского мелкосопочника, занимающая центральные, северные и северо-восточные части современного Казахстана. В экосистеме этой хозяйственно-культурной области, где преимущественно получил развитие меридиональный вид кочевого скотоводства, табунное коневодство являлось главной ее отраслью. Казахское коневодство соответствовало экологическим условиям Сарыарки, что и явилось одной из основных причин наибольшей продуктивности данной отрасли кочевого скотоводства. Для многотысячных табунов лошадей невозможно было предусмотреть какие-либо стойловые сооружения. В связи с этим практиковался круглогодичный выпас скота на подножном корму, зимой так называемая тебеневка (тебеневка – от казахского слова «тебу» – пинать, разгребать копытами снег). Биологические особенности казахских лошадей таковы, что позволяют продуктивно использовать слабо обводненные, заболоченные, каменистые, удаленные горные пастбища, мало пригодные для других видов скота [5, С. 7]. Особые качества казахских лошадей способствовали тому, что лошадь была основным хозяйственным животным и самым почитаемым видом: «Среди всех видов скота коней киргиз (казах. – авт.) ставит выше. Лошадь киргизу, как и башкиру, дает почти все, что ему нужно», – писал исследователь XVIII века академик И. Фальк [2, С. 221]. Лошадь служила наилучшей пищей, снабжала любимым напитком кумысом, кожа ее использовалась в повседневном быту для изготовления одежды и домашней утвари, она служила главным средством транспортной коммуникации и т.д. Коневодство, играя определяющую роль в экономике казахов Сарыарки, выполняло системообразующую функцию, являлось основным ядром, на которую были ориентированы все другие отрасли кочевого скотоводства казахов Сарыарки, поэтому «число лошадей в хозяйстве вполне опре-

деляло общую состоятельность хозяйства и в частности общий размер его стада» [6, С. 236]. Верблюдоводство и разведение крупного рогатого скота, выступавшее в отдельных районах Казахстана как одни из продуктивных видов скотоводства, не имели широкого распространения у казахов этого региона. Уступая же овцеводству в количественном отношении, коневодство, тем не менее, занимало приоритетные позиции в экономике кочевников-скотоводов Сарыарки. Организация труда в скотоводческих хозяйствах являлось процессом трудоемким, требующим знаний об особенностях экосреды ареала обитания казахских родов (природно-климатических, ландшафтных и т.п. особенностей сарыаркинских просторов).

В казахской степи имелись крупные коневодческие хозяйства, что подтверждается сведениями, оставленными российскими путешественниками XVIII века: «Киргизское (казахское. – авт.) семейство может прекрасно существовать, если у него есть полсотни коней и прочего скота в соответствующей тому пропорции. Такой полсотни не насчитает у себя только ничтожное меньшинство; обыкновенно у киргиза лошадей гораздо больше; даже у рядового киргиза «черной кости» свободно может оказаться во владении и тысяча и даже две тысячи голов коней. Я уже упомянул, что у богатых киргизов считают во владении по пять и даже десять тысяч голов коней. Такие богачи не могут даже знать с точностью численность своих стад», – пишет И. Фальк [2, С. 221]. Другой участник академической экспедиции И. Георги, описывая состояние скотоводческих хозяйств Среднего жуза, отмечал: «В Средней же, особливо орде есть как слышно и такие люди, у которых табуны содержат в себе до 10 тыс. лошадей» [2, С. 228]. О крупных коневодческих хозяйствах казахов Сарыарки, обладавших табунами до 20 тысяч лошадей, в своих путевых заметках отмечал и исследователь конца XVIII века Н.П. Рычков [7, С. 31]. Хозяйства рядовых казахов, не обладавших достаточным количеством скота для обеспе-

чения прожиточного минимума, выживали посредством присоединения своих косяков лошадей к табунам (косам) крупных скотовладельцев. Один кос, состоявший в среднем из 500-800 лошадей, обеспечивал всем необходимым один аул (12-15 юрт в зимний период), сохраняя при этом естественный ритм воспроизводства скота. Таким образом, одно крупное коневодческое хозяйство, в среднем состоявшее из 10 тыс. лошадей, могло прокормить население 12 аулов.

Анализ этнографических материалов позволил нам заключить, что владение большими табунами лошадей, превосходящим потребности их обладателей, было в высшей степени престижно, подчеркивало особый социальный статус человека: «лошади для почета: чем богаче киргиз (казах. – А.Ж.), тем больше в его стаде должно быть лошадей...» [8, С. 50]. Вместе с тем в казахском традиционном обществе социальные отношения строились на принципах родственно-родовой кооперации, которая в определенной степени уравнивала в правах всех ее акторов. Такая специфика эгалитарных отношений зафиксирована И. Георги: «Знатные их и богатые люди живут точно так, как и простолюдины; и потому станы их по большому только числу юрт для жен, детей и невольников, а самих их, когда едут верхом, по множеству провожатых узнать можно. С народом обходятся они по-братски; и поелику все-равно вольные люди, и всяк, как скоро разбогатеет, становится также знатен, то простые люди почитают знатных не за велико: в юртах их садятся они возле их непрошенные, едят вместе, говорят, что на ум взбрдет, и исполняют такие только их приказания, которые покажутся им полезными» [2, С. 230]. С усилением колониальной политики царизма, с формированием иной административной системы управления происходит ломка устоявшихся традиционных устоев социальных отношений в среде кочевых казахов. Богачи уже не имели такого количества скота как раньше. Зажиточные скотовладельцы 2-ой половины XIX века, вовлеченные в новую

систему управления, не были связаны системой родства, не позволявшей им прежде злоупотреблять своим высоким социальным положением. Разложение родовых начал в казахском обществе приводило к трансформации и социальных институтов, что в свою очередь повлекло за собой появлению частнособственнических отношений, а значит и усиление классовой дифференциации.

Играя ключевую роль в экономике кочевников Евразии, коневодство оказывало и огромное влияние на сложение их духовной культуры. С глубокой древности и вплоть до конца XIX века конь оставался главным ритуальным животным коневодческих народов этого огромного региона. Культурно-ритуальные функции коня берут свои истоки из среды древних номадов евразийских степей. Особенно ярко ритуальная функция коня просматривается в традиционной погребально-поминальной обрядности казахов. Во всех этапах обрядности, связанной с препровождением покойного в мир иной явно прослеживается присутствие коня, его особая семантическая роль, отражающая древние культовые представления о коне. Традиция погребения покойника со всеми личными вещами и принадлежностями конской утвари имела широкое распространение среди казахов еще в конце XVIII века [9, С.339-340].

Огромное значение конь имел в социокультурной жизни кочевников-казахов Сарыарки. Например, обязательным был обычай «атка мингизу» - усаживание ребенка в седло. Это был важный этапом социализации ребенка, посредством которого осуществлялось засвидетельствование нового статуса. Теперь мальчик считался джигитом и причислялся к полноправным членам общины. В последующие жизненные циклы и связанные с ними моменты социализации: при достижении подросткового возраста, женитьбе и выделении в самостоятельный аул, и т.д. конь являлся неизменным атрибутом всех обрядов. По представлениям казахов конь тесно был связан с понятием чести. Ударить чужого коня, нанести ему увечье означало оскор-

бить его хозяина. Владелец известного скакуна, который неоднократно побеждал на крупных скачках был почитаем среди населения. Народная память сохраняла имена известных скакунов и его хозяев. При этом получение приза не было главной целью победы на скачках. На самом деле ни всаднику, ни хозяину скакуна приз в полной мере не доставался: «Как бы велики призы не были, выигравшие призы, кроме славы для своего скакуна, получают очень немного из причитающегося на их долю приза... За выигравшим остается слава выигрыша (ырым), а призы разбирают родственники и друзья выигравшего, приносящие ему поздравления по поводу выигрыша приза» [10, С.11]. Победа на скачках приносила славу не только владельцу скакуна, она возвышала весь род. Победившая на скачках лошадь являлась предметом гордости всего рода, ее особенно оберегали. Особую категорию составляли боевые кони, которым посвящались специальные хвалебные песни. В героическом эпосе тюркских народов боевой конь – это первый товарищ и соратник батыра, от которого во многом зависел успех военной акции [11, С.228]. Такой характерный для кочевников фольклорный жанр, как хвала боевому коню был широко распространен среди тюрко-монгольских народов, в том числе и среди казахов. В целом, в жизни казахов конь (скаковой, боевой) занимает выдающееся место. Как отмечал В.В. Радлов: «Для киргиза (казаха. – А.Ж.) лошадь – это высшее средоточие красоты, жемчужина среди всех его животных» [12, С.275]. Поэтому невозможно рассматривать социокультурные особенности жизни казахов не учитывая в ней роль коня. Конь во все времена являлся высшим достоянием кочевников, элементом престижа, сакральным символом.

Характерно, что в народной памяти одним из основных показателей, иллюстрирующий кризис традиционного общества, выступает, в первую очередь, сокращение поголовья лошадей в середине-второй половине XIX века. Анализ причин упадка коневодческих хозяйств Сарыарки,

численного сокращения лошадей привел нас к выводу, что этому способствовало вмешательство во внутреннюю организацию казахского общества российской колониальной системы управления. В частности реформа 1822 года внесла существенные преобразования во всю традиционную систему жизнеобеспечения казахов Среднего жуза. Введение запрета на переход казахов одного округа на территорию другого, «без точного позволения местного начальства», привело к лишению некоторых сезонных пастбищ родовыми группами Среднего жуза, которые зачастую располагались за пределами округов. Этот запрет негативно отразился, в первую очередь, на коневодческой отрасли скотоводства, так как «стеснения в пастбищах, прежде всего, сказывалось на сокращении конских табунов» [6, С. 236]. Окончательный кризис коневодческой отрасли наступает во 2-ой пол. XIX века, после административно-территориальных реформ 1867-68 гг., когда в степи окончательно устанавливается общероссийская система управления. Начиная с этого времени, наблюдается повсеместное снижение количества скота.

В заключении отметим, что историко-этнографическое исследование роли и значения коневодства в жизни казахов Сарыарки позволяет глубже понять специфику феномена кочевого скотоводства, механизмы его функционирования и жизнестойкости. Казахи как одни из последних представителей конно-кочевой цивилизации сохраняли в своей культуре многие элементы своих предшественников. Образ жизни казаха-кочевника определялся их главным занятием – коневодством. Все благосостояние казахов Сарыарки связывалось с коневодческой отраслью кочевого скотоводства и именно упадком коневодства ознаменован кризис, охвативший казахское общество в середине XIX века. Определяющее значение коневодства в экономике казахов способствовало тому, что оно играло огромную роль и в социокультурной стороне их жизни. По сути, без понимания сущностной роли коневодства,

невозможно понять духовный облик не только казаха прошлого, но и современно-го казаха.

Статья подготовлена в рамках реализации научного проекта по гранту Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан. ИРН гранта – AP09562202.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Руденко С.И. Горноалтайские находки и скифы. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. 267 с.
2. Прошлое Казахстана в источниках и материалах /Под ред. проф. Асфендиарова С.Д. и проф. Кунте П.А. 2-е изд. Алматы, 1997. Сб.1 (V в до н.э. – XVIII в.н.э.). 383 с.
3. Златкин Н.Я. История Джунгарского ханства. 1635-1758 гг. М., 1983. 332 с.
4. Тынышпаев М. Великие бедствия... (Ақтабан-Шубырынды). Алма-Ата: Жалын, 1991. 152 с.
5. Справочник по коневодству / Н.В. Анашина, Ю.П. Гусев, В.С. Ковешников и др. / Сост. Ю.П.Гусев. – М.: Колос, 1983.
6. Чермак Л.К. Киргизское хозяйство в Степном крае // Район железной дороги Петропавловск-Спасский завод в экономическом отношении. СПб., 1912. С. 215-256 с.
7. Рычков Н.П. Дневные записки путешествия в киргиз-кайсацкой степи в 1771 году. СПб., 1772.
8. Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Под руков. Ф.А.Щербины. Т.11. Акмолинская область, Омский уезд. Омск, 1902.
9. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы: «Санат», 1996. 656 с.
10. Герн-Фон В.К. Характер и нравы казахов (этнографические заметки) /под ред. Ж.О.Артыкбаева. Караганда, 1995. 38 с.
11. Липец Р.С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М., «Наука», 1984. 263 с.
12. Радлов В.В. Из Сибири. Москва: «Наука», 1989. 749 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Rudenko S.I. Gornoaltajskie nahodki i skify. M.-L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1952. 267s.
2. Proshloe Kazahstana v istochnikah i materialah /Pod red. prof. Asfendiarova S.D. i prof. Kunte P.A. 2-е изд. Almaty, 1997. Sb.1 (V v do n.je. – XVIII v.n.je.). 383 s.
3. Zlatkin N.Ja. Istorija Dzhungarskogo hanstva. 1635-1758 gg. M., 1983. 332 s.
4. Tynyshpaev M. Velikie bedstvija... (Aktaban-Shubyryndy). Alma-Ata: Zhalyyn, 1991. 152 s.
5. Spravochnik po konevodstvu / N.V. Anashina, Ju.P. Gusev, V.S. Koveshnikov i dr. / Sost. Ju.P.Gusev. – M.: Kolos, 1983.
6. Chermak L.K. Kirgizskoe hozjajstvo v Stepnom krae // Rajon zheleznoj dorogi Petropavlovsk-Spasskij zavod v jekonomicheskom otnoshenii. SPb., 1912. S. 215-256 s.
7. Rychkov N.P. Dnevnye zapiski puteshestvija v kirgiz-kajsackoj stepi v 1771 godu. SPb., 1772.
8. Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniju, sobrannye i razrobotannye jekspediciej po issledovaniju stepnyh oblastej. Pod rukov. F.A.Shherbiny. T.11. Akmolinskaja oblast', Omskij uезд. Omsk, 1902.
9. Levshin A.I. Opisanie kirgiz-kazach'ih, ili kirgiz-kajsackih, ord i stepej. Almaty: «Sanat», 1996. 656 s.
10. Gern-Fon V.K. Harakter i нравы kazahov (jetnograficheskie zametki) /pod red. Zh.O.Artykbaeva. Karaganda, 1995. 38 s.
11. Lipec R.S. Obrazy batyra i ego konja v tjurko-mongol'skom jepose. M., «Nauka», 1984. 263 s.
12. Radlov V.V. Iz Sibiri. Moskva: «Nauka», 1989. 749 s.

Поступила в редакцию 17.09.2021.
Принята к публикации 21.09.2021.

Для цитирования:

Жанисов А.Т., Артыкбаев Ж.О., Есен С.Г. Роль и значение коневодства в формировании традиционной культуры казахов Сарыарки // Гуманитарный научный вестник. 2021. №9. С. 8-13. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2021/09/Zhanissov.pdf>